УДК 316.61

Шиян Виктор Никитович – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и политологии Дальневосточного института управления – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (г. Хабаровск). *Тел.: (4212) 31 59 75*

В.Н. Шиян
V.N. Shiyan

Тенденции изменений социальных качеств российских дальневосточников

Стратегическими документами развития Дальневосточных территорий России предусмотрены глубокие социально-экономические преобразования. Ожидаемый положительный эффект от них может быть достигнут лишь при тщательной проработке содержания самой стратегии. Центральное место здесь принадлежит определению характера социальности, в совокупности с экономическим фактором, определяющим главные ориентиры задуманных на ближайшие десятилетия трансформаций. Именно социальности, в широком смысле этого понятия, предполагается выступить базовым (ключевым) элементом в формировании населения, его новых структур, обеспечивающих устойчивость и динамизм решения предусматриваемых преобразованиями целей и задач. Именно социальности отводится центральное место в выдвижении стимулов по привлечению переселенцев на дальневосточные территории, достижении достойного для дальневосточников качества жизни и вовлечения их в процессы активного совершенствования условий своей жизнедеятельности. Для более подробной характеристики этих вопросов необходимо их самостоятельное рассмотрение.

Tendencies of changes of the social qualities of the Russian Far-Easterners

Strategic documents of development of the Far-Eastern territories of Russia provided the deep social and economic transformations. The expected positive effect from them can be reached only by the careful study of the content of the strategy. The central place here belongs to the character's determination of the sociality, in total with the economic factor determining the main reference points of the transformations conceived for the next decades. Sociality, in a broad sense of this concept, is supposed to act as a basic (key) element in formation of the population, its new structures providing stability and dynamism of the solution of the purposes and tasks provided by transformations. The central place in promotion of the incentives on the involvement of immigrants to the Far-Eastern territories, achievement of the quality of life, worthy for the Far-Easterners and their involvement in the processes of active improvement of the conditions of

activity is given to the sociality. More detailed characteristic of these questions requires their independent consideration.

Ключевые слова: *социальность, социальное мышление, социальная направленность и социальная ориентация, социальный вопрос, региональные и муниципальные аспекты социальности, социальные техники и практики, социальные территориальные трансформации, территориальные социальные проблемы.*

Keywords: *sociality, social thinking, social orientation and social orientation, social problem, regional and municipal aspects of sociality, social techniques and practices, social territorial transformations, territorial social problems.*

Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. №308, утвердившим Государственную программу развития Дальнего Востока и Байкальского региона, характер предусматриваемых в этом документе изменений определяется как *социально*-экономический. В данном нормативном акте содержатся такие понятия, как экономическое и *социальное* развитие ДВ, *социально*-демографическая ситуация на территории ДВ, *социальная* инфраструктура, *социальное* обеспечение, *социальная* сфера и ряд сопутствующих им терминов, характеризующих состав населения ДВ, качество жизни людей и др. Всероссийская конференция «Демографическое развитие Дальнего Востока», прошедшая в г. Хабаровске 25 – 26 мая 2015 г., включила в содержание свой работы специалистов в области таких направлений деятельности, как: статистика здоровья населения, формирование образовательных структур, государственной и муниципальной политики поддержки семей; пропаганда радости отцовства и материнства; формирование осознанного родительства; развитие местных сообществ и др. Отмеченные обстоятельства обусловливают необходимость специального рассмотрения содержания термина «*социальное*». Следует остановиться на специфике житейских, часто интуитивных, представлений о *социальности* и соотнести их с нормативно-научными характеристиками.

1. Социальность в регионально-муниципальном аспекте. Термин «*социальное*» широко распространен во многих видах научной и управленческой деятельности. Его используют преимущественно для характеристики *общественных* явлений, но не всяких, а по большей части тех из них, которые обусловлены, прежде всего, *непосредственным взаимодействием* людей, их *совместными житейскими* процессами. Именно поэтому к социальной сфере относят систему образования, здравоохранение, коммунальное хозяйство, институты семьи и этнических отношений, а также многие другие структурные компоненты общества, имеющие выходы на человека, на его *субъектную* деятельность, *общностные* (т. е. совместные) потребности, интересы и ценности, будь они хозяйственного, правового,

эстетического, этического, религиозного или иного *людского* (*человекоресурсного*) характера. Таким способом совокупная ***практика жизнедеятельности людей как исторический опыт человечества*** интуитивно поддерживает у индивидов необходимую ***логику социального мышления, которая демонстрирует*** *ведущую роль* ***человека*** *в жизнедеятельности общества.* Выработанная на основе *эмпирического обобщения* истории человеческой деятельности, эта логика характеризуется как антропологический принцип (правило, норма, аксиома) соотношения многообразных компонентов культуры человека. В зависимости от конкретных обстоятельств они могут выражаться в форме приоритетов общественных потребностей и интересов перед индивидуальными, в самоценности личности как социальной модели человека по отношению к массовым общественным процессам, в более высокой значимости (полезности) для исторического движения системных (устойчивых групповых) рациональных процессов, в сравнении с хаотической и иррациональной деятельностью и др. Эти качества и отношения людей своеобразно проявляются как социальная направленность и социальные ориентации в жизнедеятельности дальневосточников.

Исходя из понимания механизма функционирования общества, места и роли в нем человека, ***социальные характеристики*** выражают:

- воспроизводственные функции социальных процессов по отношению ко всем другим общественным структурам, включая: население (демографический фактор), хозяйство (производственно-экономический фактор), среду обитания (экологический фактор), механизмы жизнедеятельности (технико-культурный фактор), средства жизнедеятельности (духовно-культурный фактор) и др.;

- оценочные приоритеты социального уровня перед индивидуальным: з*релость* конкретных местных общественных отношений по восприятию стоящих перед общественными структурами (территориями) задач организационного, хозяйственно-экономического, нормативно-правового, духовного и прочего развития в интересах сохранения и приумножения человечества;

- приоритеты организационного уровня жизни населения: готовность местных сообществ (в их широком значении) к реализации стоящих перед территориями *вызовов*, к их *инновационному* отражению и *трансформации* с учетом совместных потребностей и интересов.

2. Дальневосточные аспекты социальности. Сформировавшееся к настоящему времени население дальневосточной территории представляет собой итоги многократных попыток обращения различных государственных инстанций к решению этого вопроса. В них отразились как стремления разнообразных органов и субъектов освоить данную территорию, так и имеющие место проблемы по реализации этих целей и получению от них практических результатов. Дальневосточный социальный фактор формировался *многопланово* на основе разнообразных, порой не совпадающих по своей социальной направленности, форм (казачество,

переселение, оргнабор, ссылки, поселения, общественный призыв и др. механизмы). Они *не получали* своего законченного целевого характера, зачастую *вынужденно* сменялись другими формами без достаточной организационной, хозяйственной, финансовой и другой подготовки. В результате применения такой практики деятельности зачастую нарушались организационные принципы *последовательности*, *качества работы* с конкретными людьми и социальными институтами. Затруднялись или даже исключались возможности обеспечения преемственности в развитии социальных структур, занимающихся формированием *комплекса* социальных отношений с представителями конкретных социальных групп населения территории.

Последовательное и целенаправленное формирование всей совокупности социальных отношений на Дальнем Востоке неоднократно прерывалось ходом происходящих здесь исторических событий: войны; изменений социально-политического и социально-экономического характера общественных связей в стране; трансформациями в ориентациях и характере взаимосвязей дальневосточных территорий с центральными органами страны, между самими регионами и территориями АТР. Под их влиянием менялись количественные и качественные характеристики социальных процессов в регионах (воспроизводство населения, миграция, формирование контингента конкретных социальных групп конкретных территорий под конкретные цели и решаемые задачи). В конечном счете, на этой (порой слабо сформированной и недостаточно организованной в социальном отношении) базе «вырисовывались» параметры тех социальных «картин», которые полагались в основу принятия решений по последующему социально-экономическому и, в целом, культурному обустройству этой территории. Всякий раз обозначался некий сложный «комплекс» решаемых вопросов:

- формировались *стратегические* ориентиры (направления деятельности, её цели, ожидаемые результаты);
- создавались организационные (властно-правовые, технические, финансовые ресурсы) как средства их достижения;
- формировались коммуникационные, хозяйственно-экономические механизмы (способы) осуществления намечаемых действий;
- организовывались участники этой деятельности (людские ресурсы, управленческие структуры, идеологические механизмы);
- осуществлялись предпринимаемые действия (социальные технологии и социальные практики).

Порядок (последовательность) постановки этих вопросов и объем рассматриваемых задач могли меняться, но всегда оставалась необходимость учета таких социальных проблем: кто будет претворять их на практике (осуществлять)? В этом состояла и состоит неизбежность решения *социального вопроса*: касается ли он ведения крупномасштабных мероприятий или осуществления мероприятий в рамках конкретных социальных объектов, проведения региональных реформ или локальных

преобразований на отдельно взятой территории? Социальные аспекты имеют место «быть всегда» там, где есть *человек*. Эти аспекты всегда «нагружены» региональными свойствами, выражают (по необходимостьи) региональные социальные качества. И они никогда не обладали «избыточным ресурсом». Этот аспект особенно важно подчеркнуть, учитывая, каким населением *насыщались* территории Дальнего Востока, какие формы его закрепления здесь доминировали, в каком соотношении находятся образовательные и другие духовно-нравственные стороны жизни ведущей части дальневосточников, в сравнении с *элитными* группами россиян. Видимо, следует согласиться с тем, что эти аспекты оказали существенное влияние на формирование ситуации ***анклавизации*** в этом макрорегионе.

Население Дальнего Востока исторически по времени его формирования (в цивилизационном или формационном масштабах измерения) является относительно молодым, интенсивное освоение этой территории началось немногим более 150 лет назад. При этом, данный процесс испытал несколько коренных преобразований: а) конец XIX – начало XX вв.; б) конец XX – начало XXI вв. Ведущими детерминантами в эти периоды были *социально-политические* факторы по привлечению населения на данную территорию, его стимулирование по поводу закрепления на ней, организации эффективного взаимодействия социально-политических (организационных) и экономических факторов с учетом социальных интересов и ценностей страны. В этот период произошла смена нескольких социально-экономических курсов: а) рыночно-капиталистического с ориентиром на методологию первоначального накопления (вторая половина XIX – начало XX столетий) и поворотом на социалистическую (вплоть до второй половины XX в.); б) конец XX – начало XXI вв. – переориентация с социалистического курса на капиталистический с неопределенной пока его моделью. Обширные дискуссии по этому вопросу (решительные и осторожные) ведутся до сего времени в печати и на организационных мероприятиях (семинарах, конференциях и др.).

Значительные трудности (сложности) в вопросах *понимания* социального (от лат. socialis – общий, общественный, т. е. обозначающий всё составляющее ***совместную*** жизнедеятельность людей) возникают в процессе его применения в социологических учениях и практиках. Такие трудности возникают преимущественно под влиянием тех методологий и методик, на которые исследователи опираются при анализе своих учений и практик, а также в зависимости от того понятийного инструментария, которыми они пользуются при этом. Одной из таких существенных трудностей выступает оценка *направленности* социальных изменений, происходящих в отдельных группах населения или в рамках конкретных территорий. Основные затруднения возникают вследствие того, что на рассматриваемых территориях одновременно проживают многие социальные группы, которые тоже испытывают изменения в своей социальной жизни.

События, происходящие в хозяйственно-экономической жизни Дальнего Востока, позволяют утверждать о наличии целого ряда

предприятий и организаций, на которых качественный состав работников имеет тенденции к *понижению*. Подобная тенденция отмечается по ряду их параметров многими исследователями на протяжении длительного времени. Исследователи последних лет утверждают, что уходят в прошлое прежние жесткие объективные критерии профессиональных качеств работников (разряд, квалификация и др.). На большинстве предприятий в качестве ведущих профессиональных качеств, предъявляемых к работникам, становятся стрессоустойчивость, коммуникабельность, энергичность и т. п. Эта ситуация возникла вследствие того, что изменился сам *профессиональный* состав работников, среди которых увеличилось количество представителей информационных служб, обслуживающего и технико-коммуникационного персонала, вспомогательных работников и пр. Изменился и *«профиль»* современного *наемного* работника, разрастаются группы и слои работников, которые трудятся не по найму и пр. О подобной тенденции изменений социальных качеств ряда социальных групп и населения в целом можно говорить на основании ряда событий, происходящих в других областях социальной сферы.

Ярчайшим из них выступает м*аргинализация населения*, хорошо описанная В.Г. Распутиным в повести «Пожар», когда некоторые жители лесного поселка – так называемые им *архаровцы* – «привыкают» жить «в укороте», т. е. в условиях ограниченных социальных потребностей. Подобные «стеснения» испытывают жители многих, если не большинства, населенных пунктов на территории ДВ: недоступность ряда социальных услуг для отдельных категорий населения: образовательных – закрываются школы и другие учебные заведения, пункты *оказания медицинской помощи*, ограничивается количество *транспортных услуг, торговых точек*, *учреждений культуры* (библиотек, мест проведения культмассовых мероприятий – клубов и пр.). Происходит о*пустынивание территории* - ликвидируются (закрываются) населенные пункты, ведется реконструкция территориальной организации населения в направлении её упрощения (дальнейшая концентрация населения по типу городского, тенденция урбанизации населения в пунктах его проживания относительно их центров и снижение социальной значимости их периферийных частей). Наблюдается з*амещение постоянного населения временным* в его различных формах: усиливается практика обращения к *вахтовым* методам организации работ, возрастает доля сезонности работ, а также работ по благоустройству территорий с привлечением для них временных работников взамен проведения мероприятий по капитальному ремонту и строительству, происходит *замещение постоянных работников* в сфере обслуживания, коммунального хозяйства, предприятий торговли, быта, учреждений образования, здравоохранения, культуры и других на временных под предлогом оптимизации системы оплаты труда. Усиливаются тенденции десоциализации населения в формах разрушения соседских отношений, ослабления общинных связей, снижения значимости местных культурных сообществ, проведения игровых мероприятий и массовых культурно-

гостевых общений. Четко обозначилась тенденция установления приоритетности в приеме на работу для временных и «*сторонних*» работников под предлогом, что «местное» население ***не желает выполнять такие виды работ из-за их «непривлекательности».*** Разрушаются прежние структуры нормативных социальных отношений, когда представители административно-управленческого аппарата выполняли властные полномочия на территории функционирования своих хозяйственных подразделений, вследствие чего возникают «зоны социальной безответственности», в которых теряются четкие социальные направленности и ориентиры людей, усиливаются формы индивидуализма и «группового эгоизма». Нормативно-правовые формы «новых» хозяйственно-административных отношений «поднимали» уровень социальных полномочий от муниципальных к региональным и от региональных до федеральных, освобождая, зачастую, низовые социальные звенья от реализации функций социального контроля и способствуя нарастанию состояния «безответственности» в социально-хозяйственных и социально-территориальных отношениях. Такая ситуация особенно характерна для дальневосточных территорий, где население специфично по своему социальному составу, территории имеют ячеистый характер поселений и низкую плотность заселения, где высока значимость «временщика» и ещё не сформированы четкие структуры территориального самоуправления со строгими и действенными социальными функциями местного населения. Сложившиеся ситуации с практикой организации работ на предприятиях региона ставят задачи проведения специальных научных социально-экономических исследований по данной тематике с выходом в последующем на уровни региональных и федеральных органов власти и управления для принятия необходимых мер по предупреждению негативных последствий от подобных тенденций. Усиливается потребность углубления специализации социологических исследований территориальной социальной направленности – подобно тому, как в своё время выделились городская, сельская, молодёжная, экологическая и другие социологии. Экономические науки в своём большинстве уже это сделали, образовав территориальную экономику, пусть даже на основе региональной.

«Наступление» технико-организационных практик на сферу социальных отношений является общей тенденцией современной цивилизации, что многообразно описано специалистами в области психологии, этики, эстетики, религии, педагогики, права, медицины и других гуманитарных и социальных отношений как *превращение человека в машину*. Российские дальневосточники в этом *технократическом* процессе, если и отстают от «*планеты всей*», то не на столько, чтобы об этом нужно было бы существенно печалиться. Из открытой печати пока не известны факты строительства в регионе «кассетных» ночных убежищ по типу «камер хранения» и производства *эффективных*, с коммерческой точки зрения, продуктов питания из канализационных стоков. Социальные же сети и многие социальные технологии развиваются в макрорегионе в соответствии с

возникновением потребностей в них и созданием для этого организационных, финансовых, технических и других предпосылок. Социологи и другие специалисты отмечают значительное возрастание социальных практик, выполняющих функции трансформации информационных и поведенческих потоков, складывающихся между практической и духовной деятельностью людей (платежные системы, Интернет, мобильные коммуникационные сети и пр.). Изменение ситуации с состоянием социальных техник и технологий оказывает влияние на поведение субъектов разных инстанций (рядовых жителей дальневосточных территорий, определенных социальных групп населения, некоторых социальных институтов гражданского общества), в том числе на механизмы их оценок со стороны нормативных функций. Чтобы оценить эти явления с позиции социальных технологий (включая и информационные), необходимо принять некоторую *шкалу измерений*. В современных условиях роль нормативного фактора могло бы выполнять общественное мнение, но оно значительно *ангажировано* другими компонентами. В оценке роли социальных практик нельзя преувеличивать *гносеологические* функции таких технологий (правдивость и истинность информации), поскольку они лишь дополняют (например, в рекламе) их основное назначение. Усложнение социума ведет к новым вызовам во всей системе организационных структур общества, включая повседневную жизнь людей. Сложная социальная реальность, к которой относятся социальные техники и технологии, предполагает выработку новых способов ориентации человека. *Упрощение* социальных практик с помощью социальных технологий становится диалектическим ответом на усложнение среды жизнедеятельности людей. Такие изменения в социальных техниках и технологиях способствуют самостоятельной (без посторонней помощи – с помощью шаблонных действий) ориентации человека в мире повседневности. Одновременно предполагается формирование рациональной интерпретации субъектами происходящих событий, воспроизводство относительно устойчивых параметров порядка и создание ощущений относительной стабильности и безопасности жизни в условиях роста рисков.

Стандартизация социальных практик позволяет обеспечить должный уровень совместимости во взаимодействии технических устройств и кодирования информации, сопоставимости результатов различных видов деятельности. Социальными последствиями введения «упрощенных» техник и технологий становится дегуманизация стандартизированных практик вследствие выхолащивания из них такого культурного содержания, как эмоциональность, обходительность, помпезность и т. п. «украшений» взамен приобретаемой быстроте, удобству и простоте. Далеко не все стандартизируемые социальные практики поддаются упрощению в равной мере путем сведения качественных характеристик к количественным. Дальневосточные проблемы этих социальных отношений подобны общероссийским. Рассматриваемая ситуация со стандартизаций социальных практик нуждается в дополнительном методологическом осмыслении. Одно

дело, когда социальные техники и технологии выполняют сугубо формальные функции, хотя и при этом вежливость особенно никому не помешает. Другое дело, когда они предполагают и включают в себя содержательные аспекты выполняемых *деловых* функций. Когда врач в беседе с пациентом не отсылает его «просто» от себя «по структурным инстанциям», а находит время и повод для беседы, в которой выявляется степень осведомленности больного в последующих действиях, или ему предлагается «маршрутный лист», в котором дается краткое описание их последовательности. Подобные ситуации несложно привести из областей функционирования юридических и управленческих структур, торговли и общественного питания, бытового обслуживания и многих других социальных техник и технологий. Справедливости ради следует признать, что во многих организациях и на предприятиях сейчас вводятся специальные подразделения, в задачи которых входят такие или подобные функции согласования действий на входе и выходе из структурных подразделений и контроля прохождения продукции (изделия, товара и пр.) по их территории.

Наряду с процессами стандартизации социальных практик, необходимо обращаться к явлению их архаизации. При этом, следует учитывать ценный методологический аспект по поводу необходимости различения архаизации как стихийного воспроизводства практик в прошлые периоды развития культуры и её современного содержания. Прошлые формы архаизации не следует путать, прежде всего, с современным традиционализмом и нетрадиционализмом, являющимися *сознательным* поиском в культурном наследии элементов, интерпретируемых как плодотворные источники витальности общества и его будущего развития, а также с фундаментализмом, целенаправленно отрицающим инновации. Архаизация не связана непосредственно с дегуманизацией социальных практик, хотя зачастую сопутствует им. Она направлена на сознательный отказ от освоения новых социальных практик (поиск «самостоятельных» иных путей развития общества, приспособление к анклавизации жизни в регионах, натурализация хозяйственных ценностей, примитивизация социальных потребностей и интересов, возврат к глубоко забытым верованиям и т. п.). Здесь следует заметить, что подобные процессы архаизации хорошо проявляются в настоящее время в развитии дальневосточных территорий России, которые поражены анклавизацией, где продолжает обостряться демографическая ситуация с дальнейшей потерей постоянного населения, с резким снижением социальных качеств людей и их условий жизни. Ведутся здесь и поиски специфических путей функционирования этих территорий, одним из которых выступает движение «Как жить и хозяйствовать на Дальнем Востоке?», зародившееся ещё в конце XX столетия, поддерживаемое сейчас дискуссионным клубом Дальневосточного института управления (ДВИУ – филиал РАНХиГС при Президенте РФ). Его лозунгом является идея, высказанная известным экономистом-философом М.И. Леденевым, «Свой дом на своей земле».

В дальневосточных региональных исследованиях социальных процессов оценки ***ориентиров на общероссийские интересы*** преимущественно рассматриваются как позитивные – ***ведущие к благу***. Упрощение социальных практик как *способ адаптации* людей к быстро меняющейся ситуации их жизни тоже, по большей части, воспринимается *благом* по приобретению *предсказуемости* в быстроменяющемся мире, хотя такие действия и являются «обычным аргументом» для современной методологии социального исследования. В объяснении причин и оснований рассматриваемых социальных явлений методически и методологически многие исследователи идут по пути от частного к общему, принимая индивидуальное за частное, а обобществленное за общее. Эта схема не является «новой» для обществоведения. Дело в том, что общими феноменами выступают не только обобществленные (государственные, транснациональные и другие подобные им) процессы. Каждый индивид по способу своего бытия, как и каждая социальная практика со своими жизненными техниками и технологиями, тоже представляет собой *общее* явление (быть частным как началом для всех «начинающих» является их общим свойством). Вместе с тем, анализ состояния исследований социальных процессов в регионе свидетельствует о наличии значительных проблем при анализе субъект-объектных отношений социальных техник и технологий. Большинство авторов отмечают *сложности* предмета своего исследования. Вместе с тем, необходимо признать, что существенные «сложности» (трудности) во многом создаются вследствие недостаточного внимания к этим аспектам со стороны самих исследователей и отсутствия «настойчивых» заказов на анализ таких проблем, что повышает ценность уже имеющихся работ по данной тематике.

3. Некоторые первостепенные социальные проблемы дальневосточных территорий. В Дальневосточном регионе на протяжении нескольких десятилетий сложилась практика формирования «временно проживающего» здесь населения, когда старшие члены семей в период свой работы «на Севере» оплачивают постройку квартир (домов) в центральной (европейской) части страны. Такая «практика» организации жизнедеятельности населения, кроме, казалось бы, положительных экономических оснований, имеет ряд негативных следствий. В первую очередь, и основным является формирование *жизненных установок населения* на ***временное*** проживание здесь – ***на Дальнем Востоке.*** Ориентация на позицию *временщика* очень пагубна с экологической, организационной, духовной и ряда других социальных аспектов организации жизни населения. В настоящее время, когда возрастает значимость социальных факторов в решении проблем дальневосточных территорий, следует принять меры по значительному повышению ценностей тех факторов, которые способствуют закреплению здесь населения. Пока же к «ценностям» дальневосточных территорий относят, преимущественно, «чистый воздух», воду, рыбалку, охоту и другие далёкие от социальности параметры жизни, что особенно видно из сочинений школьников. К

предусмотренным в постановлении Правительства РФ мерам социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона необходимо предусмотреть дополнительные социальные формы, существенно влияющие на формирование ***постоянного населения*** (включая не только поселенческие (селитебные) средства, но и соответствующие формы занятости и другие обустройства для постоянного проживания населения).

Меры, влияющие на организацию жизни населения и в решающей степени определяющие содержание социальных отношений в регионе, должны получить ***приоритетный*** характер развития. Для их идентификации следует в ближайшее время провести мониторинг оценки социальных потребностей и интересов с составлением шкал ценностей и их разбивкой по группам населения, территорий, видам занятий населения и прочим показателям. В мониторинге необходимо предусмотреть возможности выявления тенденций и ***динамики изменения социальных ценностей населения регионов*** Дальнего Востока как одного из условий преодоления состояния его анклавизации.

Нынешний этап исследования социальных качеств населения Дальнего Востока нуждается в обновлении методологии, средств и подходов к реализации результатов. Нуждаются в изменении способы оценки социальных явлений с точки зрения их справедливости, эффективности, пространственной и временной применимости, достаточности, системности и комплектности. В особом внимании нуждается решение вопроса о *социальном базисе* территории (состав населения, источники его формирования, тенденции изменчивости и неоднородности). Следует учесть, что ***дальневосточники всегда находятся в состоянии особой напряженности, создаваемой климатическими, социальными и пространственными условиями их жизни, повышенной неопределенности её последующих этапов, требующих от человека особых социальных адаптационных качеств.*** Об этом свидетельствует весь опыт освоения дальневосточных территорий.

Источники и литература:

1. Арсеньев, В. К. Колонизационные перспективы Дальнего Востока / В. К. Арсеньев // Производительные силы Дальнего Востока. – Т. V. Человек. – Хабаровск, 1927. – С. 31 – 44.

2. Артоболевский, С. С. Пространство и развитие России: полимасштабный анализ / С. С. Артоболевский, П. Я. Бакланов, А. И. Трейвиш // Вестник РАН. – 2009. – № 2.

3. Бедность в Российской Федерации и роль социальной политики в её сокращении. Предложения по стратегии социальной защиты // Общество и экономика. – 2007. – № 4.

4. Дальний Восток России: сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения // Материалы международной

конференции (г. Комсомольск-на-Амуре, 19 – 21 сентября 2011 г.). – Комсомольск-на-Амуре : ГОУВПО «КнАГТУ», 2011.

5. Зарубина, Н. Н. Упрощенные социальные практики как способ адаптации к сложному социуму / Н. Н. Зарубина. // Социологические исследования. – 2014. – № 5. – С. 37 – 46.

6. Заусаев, В. К. Селитебные центры Дальнего Востока – основа формирования постоянного населения / В. К. Заусаев, В. П. Михалев, И. Г. Менервин, Г. И. Бурдакова. // Социологические исследования. – 2010. – № 8. С. 71 – 77.

7. Леденев, М. И. Верна ли лоция? / М. И. Леденев // Почему в России петь перестали : сборник. – Хабаровск, 2003. – С. 62 – 65.

8. Михайлов, Ю. П. Территориальная организация общества и её устойчивость / Ю. П. Михайлов // География и природные ресурсы. – 1999. – № 1.

9. Мотрич, Е. Л. Миграционные процессы в Хабаровском крае / Е.Л. Мотрич // Власть и управление на Востоке России. – 2014. – № 2. – С. 47 – 53.

10. О мерах по переселению : постановление Совета Министров СССР от 31 мая 1973г. // Собрание постановлений Правительства СССР. – М., 1973.

11. О льготах для населения Дальневосточного края : постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) // Важнейшие решения Правительства о ДВК. – Дальгиз, 1934.

12. О просвещении, здравоохранении и лесном хозяйстве на Дальнем Востоке : постановление СНК и ЦК ВКП(б) // Важнейшие решения Правительства о ДВК. – Дальгиз, 1934.

13. Об утверждении Государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» : постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308 // Собрание Законодательства РФ. – 05. 05. – 2014. – № 18 (4.1.). – Ст. 2154.

14. Распутин, В. Г. Пожар / В. Г. Распутин. Избранные произведения. В 2-х т. – Т. 1. Повести. – М. : Современный Братск : ОАО Братсккомплексхолдинг, 1997. – С. 315 – 366.

15. Рыбаковский, Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет / Л. Л. Рыбаковский. – М. : Статистика, 1973.

16. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р.

17. Темницкий, А. Л. Становление наемного работника рыночного типа в условиях трансформации отношений собственности / А. Л. Темницкий // Социологические исследования. – 2014. – № 5. – С. 47 – 55.

18. Уколов, В. Ф. О метафизических парадигмах экономики / В. Ф. Уколов, И. К. Быстряков // Человек. – 2003. – № 4.

19. Человек на БАМе. Социально-экономические проблемы строительства и освоения зоны БАМа. Часть II. – Благовещенск, 1979.

20. Человеческий потенциал России: региональный аспект // Общество и экономика. – 2007. – № 5 – 6.

21. Шиян, В. Н. Дальневосточные ориентиры России / В. Н. Шиян. // Власть и управление на Востоке России. – 2014. – № 3. – С. 19 – 27.

22. Эткинд, А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. Эткинд ; пер. с англ. В. Макарова. – М. : Новое литературное обозрение. 2013.